АЛЕКСЕЙ ПРИМАК

ПОКА СКРИПЯТ СТАВНИ

ХРОНИКИ ВАЛЬДОРА

Алексей Примак
Пока скрипят ставни

https://litres.ru/74756924
SelfPub; 2026

Аннотация

Два года в тихой приморской деревне Листопад казались Аэлин и Ворсаэлю заслуженной наградой после кровопролитной войны. Бывшие воины распущенного ордена Длани учились жить заново: пекли хлеб, держали пасеку и мечтали о детях. Но прошлое не отпускает тех, кто поклялся служить Свету.

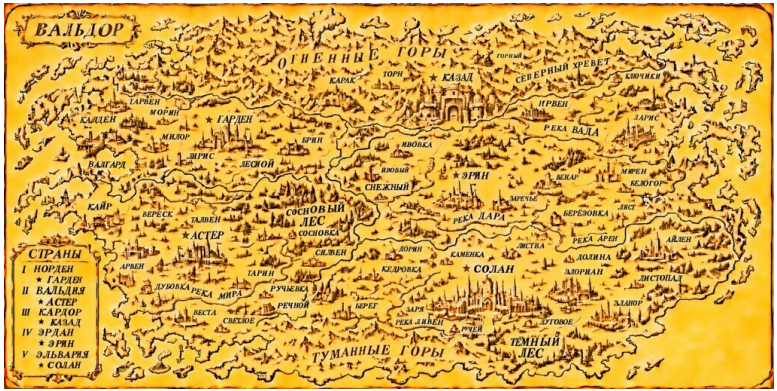
Тайный призыв возвращает Ворсаэля на границу, а затем уводит в глубь соседней Вальдии — страны, откуда не возвращаются разведчики. Когда отряд перестаёт выходить на связь, а орден спешит записать его в погибшие, Аэлин снова берёт в руки лук и отправляется на запад.

Ей предстоит пройти сквозь поток беженцев, дворцовые интриги и пепелища сожжённых деревень, обрести неожиданных спутников и столкнуться с пугающей правдой о войне. Ведь в землях, куда ушёл её муж, просыпается древняя тьма, перед которой бессильна даже магия Света — там мёртвые больше не остаются в могилах.

Содержание

Часть первая. Листопад 5
Пролог. Брод на Арене 5
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Алексей Примак
Пока скрипят ставни

Карта Вальдора

Часть первая. Листопад

Пролог. Брод на Арене

К исходу третьей недели Мирн начал ставить деньги на то, что их забыли.

Ставил он по медяку в день, проигрывал исправно — каждое утро солнце вставало, а отряд всё ещё стоял у брода, и никто за ним не приезжал, ни чтобы отпустить, ни чтобы отменить приказ, — и к двадцатому дню задолжал половине лагеря. Должники посмеивались. Мирн не унывал. Он утверждал, что выигрыш, когда придёт, покроет всё с лихвой, потому что ставки на забывчивость Длани — самые надёжные ставки в Эльварии, и если уж отец Маэрон кого-то куда-то отправил, то вспомнит о нём разве что к похоронам.

Ворсаэль не ставил. Он вообще мало что делал в эти три недели, кроме того, что смотрел на реку.

Арен в этом месте был широк и неглубок, а брод — единственное на двадцать вёрст место, где через него можно было перейти, не замочив головы, — тянулся наискосок от песчаной отмели на западном берегу к зарослям осоки на восточном. Посередине дно уходило вниз, и там, у старой ивы, течение сворачивало к омуту, глубокому и чёрному даже в полдень. Ворсаэль изучил этот омут так, как изучают лицо

врага. Он знал, где вода тянет вбок, а где только делает вид. Знал, что к вечеру, когда с гор сходит холод, течение крепчает, а на рассвете слабеет. Знал, что человек, идущий через брод в полном доспехе, у ивы невольно наклонится против потока, а наклонившись — опустит щит. Не от трусости. От того, что иначе не устоять.

Он не знал только, зачем ему всё это знать.

Письмо, которое три недели назад принёс в Листопад мальчишка в сером плаще, было коротким даже по меркам Маэрона, который любил писать длинно и красиво. Четыре слова. *Арен. Брод. Стой. Жди.* Ни подписи, кроме печати, ни объяснений. Ворсаэль прочёл его у очага, пока Аэлин сидела на полу и смотрела ему в спину, и бросил в огонь — не потому, что хотел скрыть, а потому, что скрывать было нечего. Там просто ничего не было. Только приказ, на который нельзя ответить отказом, и пустота вокруг него, в которую можно было уложить что угодно.

Аэлин уложила в эту пустоту всё самое страшное. Он видел это по тому, как она затягивала на нём ремни наутро — молча, с белыми костяшками, так туго, что пряжка на боку скрипнула и он не смог вдохнуть полной грудью до самого Элориана. Она злилась руками, всегда. Словами — никогда. Десять лет в приюте, три года замужем, и он ни разу не слышал, чтобы она повысила на него голос, зато всегда знал, когда она в ярости: по пересоленному супу, по слишком сильно взбитой подушке, по ремням.

Он думал об этом часто, сидя у реки. О ремнях. О пересоленном супе. О ленте, которую она сняла с волос у калитки и которую он отказался взять, а потом всё-таки взял, когда она отвернулась. Лента теперь была намотана на рукоять меча, поверх старой кожи, и пальцы сами находили её, стоило задуматься. Шершавый узел. Выцветшая ткань, когда-то золотая, теперь цвета прошлогодней травы.

Привезёшь обратно. Целой. Вместе с собой.

Она кричала это ему вслед на всю улицу. Он не обернулся — знал, что если обернётся, то не уедет. Только поднял руку ладонью вверх, как поднимают её в Длани, когда хотят сказать: услышал. И уехал.

Теперь он сидел у брода, на краю Эльварии, и ждал неизвестно чего, а Мирн проигрывал медяки.

***

Ответ пришёл на двадцать второй день, перед рассветом, в виде дозорного без шлема.

Ворсаэль не спал — спал он в последние ночи плохо, урывками, и в этот раз лежал у погасшего костра, глядя, как над рекой поднимается туман. Сначала он услышал шаги — быстрые, неровные, хлюпающие, — потом увидел силуэт, выросший из белой мути, и уже сидел, держа ладонь на рукояти, когда дозорный рухнул перед ним на колени.

Это был Лорин, совсем молодой, из последнего выпуска перед роспуском. Он задыхался, по лицу текла вода, и было не разобрать, речная или пот.

— Эрдан, — выдохнул он. — Капитан. Эрдан. У Дорина. Перешли границу ночью, сожгли заставу на холме и ту, что у мельницы, — я видел зарево, я пошёл посмотреть, а там уже… — Он сглотнул. — Там колонна. Идут сюда. Сюда, капитан. По старой дороге. Конные впереди, пешие следом, обоз. Сотни две. Может, больше.

Лагерь проснулся вокруг них не сразу, а как-то постепенно, будто нехотя, — сначала кто-то сел, потом кто-то выругался, потом разом заговорили все. Мирн выбрался из-под плаща, взъерошенный, с травинкой в бороде, посмотрел на Лорина, потом на Ворсаэля, и лицо у него стало очень простым и очень серьёзным.

— Ну, — сказал он, — похоже, я проиграл.

Никто не засмеялся.

Ворсаэль поднялся. Тело, затёкшее от холодной земли, отозвалось болью в пояснице — два года он спал на перине, а не на камнях, и теперь каждая ночевка напоминала ему об этом, — но он не обратил внимания. Он смотрел на реку и думал о том, что вторжение без объявления войны, ночью, через Дорин, — не случайность. Такое готовят месяцами. И о том, что Маэрон написал своё письмо за три недели до того.

Маэрон знал.

Ворсаэль положил эту мысль туда, где держал остальные, о которых не время было думать, — в тёмный угол, под замок, — и повернулся к отряду.

— Лучники — на гребень, в осоку, — сказал он. Гово-

рил он негромко, как всегда, но в утренней тишине его было слышно у самой воды. — Мечи — со мной, вниз, к отмели. Костры залить. Лошадей — в овраг, за ольшаник. Лорин, воды попей. Остальное — как договаривались.

Договаривались они не раз. Три недели — достаточный срок, чтобы обсудить, как стоять у брода, со всех сторон и по многу раз. Ворсаэль заставлял их обсуждать это каждый вечер, хотя никто не верил, что пригодится. Теперь никто не спрашивал, что делать. Тридцать два бойца разошлись по местам быстро и почти беззвучно, и Ворсаэль, глядя на них, чувствовал что-то похожее на гордость и что-то похожее на тошноту.

Половине из них было за сорок. Два года назад их распустили по домам, и они разъехались — кто к жёнам, кто к детям, кто к пашне и пасеке, — и вот теперь снова стояли в осоке с луками, потому что один старик в белом плаще написал им по четыре слова.

Сам он тоже стоял.

***

Эрданцы пришли с туманом.

Сначала — звуки. Глухой перестук копыт по мёрзлой дороге, скрип тележных осей, звяканье упряжи и тот низкий, ровный, ни на что не похожий гул, который издаёт любое войско на марше, — гул сотен людей, которые одновременно дышат, шагают, кашляют и молчат. Потом — запах: конский пот, мокрая шерсть, дым вчерашних костров, впитавшийся в

плащи. И только потом, когда солнце поднялось над холмами и туман над рекой начал редеть, расползаясь клочьями, — сами эрданцы.

Синие плащи с серебряной нитью. Высокие ростовые щиты, вытянутые книзу, как капли. Короткие копья. Шлемы-котелки, низко надвинутые на брови. Они вышли на западный берег неторопливо, по-хозяйски, и остановились у отмели, разглядывая брод. Впереди — десяток конных; один, в шлеме с чёрным плюмажем, привстал в стременах, обвёл взглядом пустой восточный берег, осоку, иву, гребень холма, — и Ворсаэль, лежавший в зарослях в полусотне шагов от него, на мгновение встретился с ним глазами.

Нет. Не встретился. Эрданец смотрел сквозь него, на холм, и ничего не видел, кроме осоки и тумана.

Ворсаэль медленно выдохнул.

Он насчитал двести двенадцать, прежде чем бросил считать. Пешие, конные, арбалетчики, обоз. Лорин не ошибся. Против тридцати двух — почти семеро на одного. Если бы дело было в поле, он бы уже уводил отряд в лес и не стыдился бы этого ни минуты.

Но дело было не в поле. Дело было у брода, который он знал лучше, чем линии на собственной ладони.

Конные спешились — переводить лошадей через такое дно верхом не решился бы никто в здравом уме. Командир с чёрным плюмажем что-то крикнул; голос у него был зычный, привыкший к плацу. Пешие начали строиться. Медлен-

но, без суеты, ряд за рядом, щит к щиту — как учат во всех армиях мира, где учат хоть чему-то. Первая шеренга — копейщики. За ними — мечники. Арбалетчики остались на берегу, у обоза, и это было ошибкой, но Ворсаэль понимал, почему её совершили: восточный берег казался пустым, а тащить арбалеты через ледяную воду по пояс — удовольствие ниже среднего.

Заревел рог. Первая шеренга вошла в реку.

Ворсаэль лежал неподвижно и смотрел, как вода поднимается по их ногам. До колен. Выше. Он видел, как эрданцы морщатся от холода — река в начале зимы обжигала, будто кипяток, — как кто-то в первом ряду поскользнулся и выровнялся, ухватившись за плечо соседа, как сержант на фланге, огромный и рыжий, рявкнул на него, и тот съёжился. До бёдер. До пояса.

Середина брода. Ива. Омут.

Щиты дрогнули и опустились на ладонь.

— Сейчас, — сказал Ворсаэль.

***

Восемнадцать стрел сорвались с гребня разом, с коротким сухим треском, будто кто-то разорвал полотно. Ворсаэль не провожал их взглядом. Он знал, куда они пойдут. Лучников Длани учили с двенадцати лет одному: бить в узкую щель между краем щита и кромкой шлема, на сорока шагах, на ветру, по движущейся цели, — и они попадали туда девять раз из десяти, а в хороший день и все десять.

Это был хороший день.

Первая шеренга сломалась, как сломался бы забор, по которому ударили бревном. Люди падали в воду лицом вниз, молча или с коротким захлёбывающимся вскриком, и течение — то самое, которое Ворсаэль три недели изучал по утрам, — тут же подхватывало их и тащило вбок, к иве, к омуту, а следующий ряд, не успев ничего понять, спотыкался о них, терял строй, опускал щиты ещё ниже, чтобы не упасть.

Второй залп пришёлся в эту кашу.

Третий — в арбалетчиков на берегу, которые наконец сообразили, откуда бьют, и полезли за болтами.

Над рекой поднялся крик — не боевой, не яростный, а растерянный, многоголосый, какой бывает, когда войско вдруг понимает, что его ведут не туда. Ворсаэль слышал в нём и страх, и злость, и что-то ещё, похожее на обиду: так не должно было быть, берег был пуст, нам сказали, что берег будет пуст.

И всё-таки они не побежали.

Ворсаэль отдал им должное — потом, у костра, когда было время думать. Эрданский рог заревел снова, протяжно и требовательно, рыжий сержант на фланге заорал так, что перекрыл даже шум воды, и задние ряды пошли вперёд — через убитых, через ледяную реку, под стрелы, — пошли с рёвом, который сбил бы с ног медведя. Не все дошли. Но сорок человек, может быть, полсотни, выбрались на мелководье у восточного берега, туда, где вода была уже по колено,

где можно было выпрямиться, поднять щит и наконец увидеть врага.

Там их ждал Ворсаэль.

Он поднялся из осоки, когда первый эрданец ступил на песок, и четырнадцать мечей Длани поднялись вместе с ним — молча, одной линией, как их учили во дворе приюта, где сестра Иларет стояла на крыльце с песочными часами и считала, сколько ударов сердца уходит на то, чтобы отряд из кучки детей превратился в строй.

Первого он убил прежде, чем тот поднял голову: короткий шаг вперёд, удар снизу, под край кольчуги, туда, где кончается защита и начинается человек. Второй замахнулся топором — широко, по-крестьянски, вкладывая в удар весь вес, — и Ворсаэль ушёл влево, позволив топору провалиться в пустоту и потащить хозяина за собой, а меч его к тому времени уже возвращался обратно, в открывшийся бок. Третий оказался быстрее. Клинок чиркнул по наплечнику и соскользнул вниз, к локтю, и Ворсаэль почувствовал, как в рукаве становится тепло и мокро, но боли не почувствовал, — боль придёт вечером, когда кончится всё остальное.

Он не думал. Думать в бою — привилегия тех, кто плохо учился, и обычно они недолго ею пользуются. Тело делало то, чему его учили с восьми лет, а голова оставалась пустой и ясной, как зимнее небо. Шаг. Отвод. Удар. Не руби — коли. Не стой — двигайся. Не смотри на клинок — смотри в плечи: плечо всегда начинает удар раньше руки.

Это последнее он когда-то сказал Аэлин — единственный раз за год заговорив с ней первым, за ужином в трапезной, когда им было по четырнадцать. А через неделю она уложила его на лопатки при всём приюте, уйдя влево ещё до того, как он ударил. Потом он долго лежал на холодном камне, глядя в небо, и думал, что, кажется, проиграл не только поединок.

Справа ругался Мирн — длинно, изобретательно, на трёх языках сразу, включая гномий, которого он не знал. Слева кто-то кричал, и Ворсаэль не оборачивался, потому что обернуться значило подставить спину.

Он успел подумать, что всё идёт слишком хорошо, — и тут на западном берегу трижды, коротко, пролаял рог.

Не атака. Другое. Он знал эрданские сигналы с гражданской: три коротких — «обход».

Командир с чёрным плюмажем оказался не дурак. Пока его пехота умирала на броде, покупая ему время, он снял с хвоста колонны конных — десятка три — и погнал вверх по течению, за излучину, туда, где Арен разливался по галечному перекату. Глубины там было по стремя. Дно — ровное. Мальчишка-рыбак из ближней деревни показал Ворсаэлю это место на второй день, за медяк.

Ворсаэль купил у него тогда же, за второй медяк, все рыбацкие колья, какие были в деревне.

— Сэйм! — крикнул он через плечо, не оборачиваясь, отводя чей-то клинок. — Перекат!

— Вижу, — отозвался с гребня старый лучник. Спокойно,

будто его спросили, не собирается ли дождь.

Он увёл шестерых. Шестерых из восемнадцати, и залпы с гребня сразу стали реже, и эрданцы на отмели это почувствовали — надавили, пошли плотнее, щит в щит. Четырнадцать мечей прогнулись дугой. Ворсаэль отступил на шаг. Ещё на шаг. Под сапогами вместо песка захлюпала осока.

Дальше отступать было некуда: за осокой начинался склон, а на склоне строя не удержишь.

— Стоим, — сказал он. Негромко. Его услышали.

За излучиной закричали лошади.

Он не видел этого, но знал, как оно было, потому что сам вбивал те колья — ночами, по пояс в воде, вдвоём с Мирном, который ругался шёпотом, чтобы не разбудить лагерь. Три ряда, наискось, остриём против течения, на ладонь ниже поверхности. Сверху не разглядеть: вода на перекате рябит. Первый конь напоролся грудью и встал на дыбы. Второй влетел в первого. Третий попытался свернуть и подставил бок Сэйму, который бил с сорока шагов и не промахивался с тех пор, как Ворсаэль был ребёнком.

Конница на перекате — это не конница. Это тридцать человек, которые пытаются удержаться в седле на бьющихся лошадях посреди реки, пока в них стреляют семеро.

Рог на западном берегу пролаял ещё раз. Один длинный. «Назад».

На отмели его тоже услышали — и на миг, на полвдоха, эрданский строй оглянулся. Весь. Как оглядывается человек,

которого окликнули по имени.

— Сейчас, — сказал Ворсаэль во второй раз за утро.

Четырнадцать мечей шагнули вперёд. Не побежали, не закричали — шагнули, разом, с левой, как на плацу. Дуга распрямилась. Тех, кто стоял в первом ряду и оглядывался, взяли на этом шаге, под поднятые подбородки. Те, кто стоял за ними, попятились — в воду, по колено, по бедро, туда, где щит снова становится обузой.

Слева упал Лорин. Ворсаэль увидел это краем глаза — как мальчишка, только что рубившийся рядом, вдруг сел в воду, удивлённо, держась за живот. Он не обернулся. Занял его место, сдвинув строй на полшага, и Мирн справа сдвинулся тоже, не глядя, как сдвигаются зубья в гребне, когда один выпал.

Потом. Мёртвых считают потом.

А потом из воды вышел рыжий сержант.

Он был на голову выше остальных и шире почти вдвое. Шлем на нём был помят, будто по нему колотили молотом, а лицо залито кровью — эльфийская стрела рассекла ему бровь и щёку до самого уха, и он, похоже, этого не заметил. Ростовой щит он держал одной рукой, как крышку от котла. Он шёл прямо на Ворсаэля, расталкивая своих, и Ворсаэль понял, что это и есть тот, кто не дал эрданцам побежать после первого залпа. Тот, на ком держится их строй.

Ворсаэль ударил первым. Меч скользнул по железной окантовке щита, выбив сноп искр, и ушёл в сторону. Сер-

жант даже не покачнулся. Он шагнул вперёд и ударил — не мечом, щитом, плашмя, всем своим весом, как бьют тараном в ворота.

Удар пришёлся в грудь. Воздух вышел из лёгких разом, весь, со свистом. Песок ушёл из-под ног. Мир опрокинулся, и бурая ледяная вода сомкнулась над головой.

***

Под водой было тихо.

Это всегда поражало его — ещё с детства, когда он нырял в пруду за приютом за камешками для Аэлин. Наверху — крики, звон, рёв, а здесь, в мутной холодной темноте, всего этого будто нет. Только глухой, далёкий, как из-за стены, гул. И холод. И течение, которое тянуло его вбок, к иве, к омуту, туда, где лежали те, кого он сам туда отправил полчаса назад.

На грудь навалилась тяжесть. Сапог. Рыжий наступил на него, вдавливая в ил, и Ворсаэль видел сквозь воду над собой светлый размытый круг неба и тёмное пятно щита.

В груди жгло. Хотелось вдохнуть — тело требовало этого так яростно, что на миг заглушило всё остальное, — и он знал, что если вдохнёт, то это будет последнее, что он сделает.

Привезёшь обратно. Целой. Вместе с собой.

Он выпустил меч.

Пальцы нащупали в иле ногу сержанта — тяжёлый кожаный сапог, ремни наколенника, край кольчужной юбки. Другая рука нашла за голенищем нож. Короткий, кривой, ко-

торым он в Листопаде чинил ставни и чистил яблоки для Аэлин, потому что она вечно резала их толстыми ломтями вместе с кожурой.

Он ударил. Под колено, туда, где кончается кольчуга. Потом ещё раз.

Тяжесть с груди исчезла.

Он вынырнул с хрипом, с полным ртом ледяной воды, наполовину ослепший и оглохший, и несколько мгновений не понимал, где он и зачем. Потом увидел рыжего. Тот стоял на одном колене на мелководье, вцепившись в ногу обеими руками, и смотрел на Ворсаэля снизу вверх — без злобы, с каким-то тупым, почти детским удивлением, будто не мог поверить, что с ним такое случилось.

Ворсаэль нашарил на дне меч. Поднял. Остриё замерло у горла сержанта, над самым воротом кольчуги, где билась толстая жила.

Они смотрели друг на друга. Мгновение. Другое.

Ворсаэль не ударил.

Он и сам потом не смог бы объяснить почему. Может быть, из-за этого удивления в глазах. Может быть, потому, что за два года в Листопаде он отвык убивать людей, которые смотрят на тебя вот так. А может быть, ему просто надоело. Он развернул меч плашмя и опустил на шлем сержанта — коротко, сильно, — и тот обмяк и повалился набок, в мелкую воду, лицом вверх, чтобы не захлебнуться.

Когда Ворсаэль поднял голову, эрданцы бежали.

Это всегда начинается одинаково, и он видел это столько раз, что мог бы нарисовать с закрытыми глазами. Не весь строй разом — сначала один. Где-то в середине кто-то видит, как падает его сержант, бросает копьё и поворачивается спиной. Только один. Но этого достаточно. За ним — второй. Пятый. Двадцатый. Через минуту никто уже не помнит, что их было двести, а эльфов три десятка. Через минуту есть только река, холод и спина бегущего впереди.

Лучники на гребне дали последний залп — в спины. Ворсаэль не стал их останавливать.

Он стоял по колено в Арене, тяжело дыша, и смотрел, как синие плащи один за другим исчезают в рассеивающемся тумане на западном берегу. Рука, державшая меч, мелко дрожала. Он посмотрел на неё с удивлением, как на чужую. Два года она не дрожала. Колола дрова, косила траву, чинила ставни, чистила яблоки — и ни разу.

Он опустил взгляд на рукоять. На ленту, мокрую и потемневшую от речной воды и чужой крови.

Рука перестала дрожать.

К полудню туман сошёл совсем. Река несла вниз по течению синие плащи, и они медленно кружились на воде у старой ивы, прежде чем уйти в омут.

Тридцать два против двухсот. Брод остался за ними.

Это был последний бой, который выиграл Ворсаэль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.